

А.Д. Дуличенко. Славянские литературные микроязыки. Образцы текстов. Тарту: Изд-во Тартуского университета. Т. I. 2003. 419 с.; Т. II. 2004. 398 с. (Тартуский университет. Кафедра славянской филологии).

Изучение славянских литературных микроязыков в XX в. получило мощный импульс после публикаций профессора Тартуского университета А.Д. Дуличенко, чья научная жизнь и деятельность уже несколько десятилетий не-

разрывно связаны с исследованием такого интересного и почти неизученного с лингвистической точки зрения феномена, как малые славянские языки, или микроязыки. Без преувеличения надо сказать, что рабо-

ты А.Д. Дуличенко стали прорывом в ту область славистики, которая в России многие годы обходилась стороной. Только изыскательная деятельность акад. Н.И. Толстого, знакового не понаслышке со славянской полифонией Европы и немало сделавшего для научной пропаганды данной проблематики, была, возможно, единственным достойным ориентиром для А.Д. Дуличенко, которого и в этом отношении можно назвать последовательным продолжателем лучших традиций русской славистической школы – школы академика Никиты Ильича Толстого.

Но, справедливости ради, вспомним, что интерес к микроязыкам Славии был в какой-то степени поднят еще в XIX в. (правда, на иной, диалектологический, уровень исследований) после публикаций И.А. Бодуэна де Куртенэ о резьянах и составленного им резьянско-словенско-русско-итальянского словаря, судьба которого уже более 100 лет в какой-то мере отражает перипетии нашей науки (вначале долгие поиски рукописи, затем работа по ее расшифровке и систематизации, исключительно сложный компьютерный набор, поиски издателей и финансовых ресурсов – это отдельная история, но имеющая непосредственное отношение к предмету настоящей дискуссии).

Новый труд А.Д. Дуличенко представляет собой фундаментальный компендиум-хрестоматию, включившую разножанровые тексты конца XVIII–XX вв. на славянских литературных микроязыках и их вариантах.

В первый том вошли островные литературные микроязыки: югославорусинский (бывшая Югославия, ныне Сербия и Черногория, Хорватия), градишанско-хорватский (Австрия), молизско-славянский, резьянский (оба в Италии), банатско-болгарский (Румыния), а также кашубский литературный язык (Польша), и один из периферийно-островных микроязыков – карпаторусинский, со всеми его литературно-письменными вариантами (ныне Закарпатская Украина, Восточная Словакия, Польша, Венгрия, США и Канада).

Второй том включает образцы литературно-художественного творчества, публицистики, учебных и прочих текстов на эгейско-македонском, помакском (оба в Греции) и венецианско-словенском (Италия) литературных языках; тексты, относящиеся к региональной литературно-языковой традиции, – чакавский, кайкавский (оба в Хорватии), премурско-словенский (Словения), ляшский (Чехия), опыты восточнословацкого (Словакия) и западнополюсского (Белоруссия, частично Украины) литературные микроязыки; далее следует корпус текстов, созданных на так называ-

емых автономных литературных микроязыках, в частности, серболужицком, членящемся на верхнелужицкий и нижнелужицкий (Германия). Завершается том обзором экспериментальных проектов по созданию так называемых вичского и гал(ь)шанского литературных языков (Литва) и – что особенно ценно для исследователей – библиографией важнейших трудов и публикаций по данной проблематике, куда вошли работы общетеоретического характера – грамматики, учебники и справочники, словари, синтезированные очерки и монографии по славянским литературным микроязыкам, издания с образцами текстов, периодика, – охватившие практически весь отрезок научного изучения этого феномена начиная с XIX в. и по настоящее время (т. II: 369–394). В общей сложности книга дает нам представление о 18 славянских литературных микроязыках.

Кроме того, А.Д. Дуличенко снабдил издание многочисленными иллюстрациями (факсимиле) редчайших текстов – журналов, газет, книг и других материалов, отражающих функционирование микроязыка в реальной среде, которая и является двигателем развития славянского глоттогенеза. Добавим также, что автор приводил и краткие комментарии к тем текстам, где это было необходимо.

Важно отметить, что в книге даны образцы ж и в ы х микроязыков, которые в разной степени продолжают использоваться их носителями, в ряде случаев претерпевают географические, этноязыковые и социокультурные трансформации, но остаются в орбите речетворчества как исключительно ценные и оригинальные факты славянской истории.

Из представленного перечня содержания двух томов отчетливо видно, какую грандиозную задачу ставил перед собой автор. Но это не только “хрестоматия”, ее “не следует воспринимать как некую в строгом смысле слова антологию каждого литературного микроязыка...” (т. II: 5). Для ученого было не менее важным “дать образцы текстов, опираясь прежде всего на их жанрово-стилистическое распределение” (там же), чтобы в каждом случае показать именно феномен литературного языка. Поэтому даже один микроязык, имеющий очень незначительный ареал распространения, представлен в книге в полноте своих литературно-художественных, публицистических и иных характеристик, подтверждая этим не только свое право на существование как полноценный язык, но и показывая динамику развития и сферу применения его функциональных возможностей.

В Предисловии к книге А.Д. Дуличенко кратко описывает лингвистическую ситуа-

цию, сложившуюся вокруг изучения микроязыков, и рассказывает о тернистом пути исследователя этой области, вынужденного по крупицам собирать сведения, находить уникальные тексты, с большим трудом устанавливать контакты с носителями микроязыков и записывать их речь, словом, идти непроторенной дорогой поисковика. По словам ученого, “в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. об этноязыковой Микрославии едва ли можно было что-либо прочесть в авторитетных славистических изданиях. Ситуация постепенно меняется лишь к концу XX в.” (т. I: 5).

В общей сложности А.Д. Дуличенко посвятил изучению микроязыковой стихии более 30 лет. Но в науке его имя стало известно со времени защиты в 1974 г. кандидатской диссертации, представлявшей собой первую научную грамматику югославо-русинского языка (Институт славяноведения и балканистики АН СССР), а затем и докторской в 1981 г. на тему “Славянские литературные микроязыки (Вопросы формирования и развития)” (Институт языкознания Белорусской АН). Эти фундаментальные труды и последующие многочисленные публикации автора в России, Эстонии, странах Европы и Американского континента более чем на 20 языках мира в значительной мере посвящены славянской проблематике – как разработке теоретических вопросов, так и практическому изучению живой речи, быта и культурных традиций народов, рассеченных социально-политическими преобразованиями XIX–XX вв. на множество микрогрупп, найденных и описанных А.Д. Дуличенко не только практически во всех славянских странах, но и в Греции, Италии, Австрии, Румынии, Венгрии, Канаде и США (см. [Дуличенко 1981; 1995; 2002]). Ныне славянская микроязыковая проблематика, благодаря автору, достойно представлена в университетских учебниках преимущественно в западных странах – см., например [Einführung... 1998; 2003], в энциклопедиях (см. [Wieser Enzyklopädie... 2002]); соавтор энциклопедии о русинах [Encyclopedia... 2002]; автор очерков микроязыков и отдельно кашубского в энциклопедии РАН “Языки мира”) и др. Объективности ради добавим также, что микроязыковая проблематика все же не единственная сфера научных интересов А.Д. Дуличенко: он – автор многочисленных исследований крупных славянских языков (русского, сербско-хорватского, словенского и др.), занимается проблемами общей теории языка, интерлингвистики, истории языкознания и славистики.

Богатая лингвистическая география “Микрославии” поражает и разнообразием диалектов и естественно заставляет задуматься об их

этноязыковых корнях и истории их формирования.

В 1981 г. А.Д. Дуличенко впервые в славистике предложил классификацию славянских литературных микроязыков, выделив **островную** группу, оторванную от своего этнокорня в результате переселений части этноса в другие земли, и **периферийную**, располагающуюся в рамках некоторого этноязыкового единства. В дальнейшем определилась и еще одна группа “**периферийно-островных**” микроязыков, “проявляющих тенденцию к нормированию” (т. I: 6), а затем и так называемая **автономная**.

Кстати, несколько слов о последней группе, в которую А.Д. Дуличенко, помимо кашубского, включает серболужицкий в его двух литературных вариантах – верхне- и нижнелужицком. В монографии “Славянские литературные микроязыки”, названной в славистике вскоре после ее выхода в 1981 г. “библией малых славянских языков”, серболужицкие литературные языки автор не включает в состав микроязыков, заявляя, что серболужичане представляют собой сформировавшуюся самостоятельную народность, которая прошла этап своего “культурно-национального возрождения” [Дуличенко 1981: 16]. Однако здесь же он пишет, что “множество параллельных моментов в развитии серболужицких литературных языков, с одной стороны, и славянских литературных микроязыков, с другой, вынуждает нас неоднократно привлекать и этот материал” [Там же]. И действительно: привлечение серболужицкого материала к типологическому анализу микроязыков проводится автором не только в этой книге, но и в ряде его последующих работ, специально посвященных этому двулитературному языку. Только сейчас раскрывается, почему автор поступил с серболужицкими литературными языками именно так. Дело в том, что в 70-е гг. XX в., когда им создавалась теория микроязыков, в СССР действовала иная языковая практика. Поэтому носителей островных микроязыков он квалифицировал тогда как этноязыковые группы соответствующих крупных этносов и их языков (градишканские хорваты – хорватов, резяне – словенцев и т.д.), а носителей периферийных (или региональных) – как культурно-языковые образования в пределах соответствующих крупных этносов и их языков (чакавцы и кайкавцы – хорватов и т.д.); лишь югославо-русинским и кашубским пользуются “соответствующие этнические группы (общности), претендующие на роль народности” [Дуличенко 1981: 16]. Как видим, здесь достаточно осторожно назван этнический статус

югославских русин и кашубов. Такова была ситуация в науке и в обществе.

Указанная классификация и была применена автором при подготовке обсуждаемого труда, который станет, по нашему мнению, надежным подспорьем в дальнейшей разработке не только микроязыковой, но и славянской проблематики в целом. Отметим как несомненное достоинство книги привлечение разнообразного в стилистовом, фактологическом, географическом и этнологическом отношениях материала, который более **нигде** в таком собранном и классифицированном виде в научной литературе не встречается.

Для представления этого огромного текстового массива А.Д. Дуличенко сознательно избрал два критерия: а) соблюдение хронологического принципа и внутри него б) жанрово-стилистического разграничения источников. Поэтому в книге получили второе дыхание очень разноплановые тексты: религиозные, литературно-художественные, публицистические, научные и научно-популярные, административно-деловые – вплоть до образцов эпистолярного жанра. “Самым важным, – и мы полностью разделяем точку зрения ученого, – для нас было показать **реальную** (разрядка наша. – О.Н.) представленность микроязыков в тексте” (т. I: 8).

Данное собрание образцов славянских микроязыков можно отнести и к трудам справочно-библиографического характера, так как издание текстов предваряется краткими очерками – общими данными об их носителях, сведениями по истории формирования микроязыков и истории их изучения, представлением особенностей алфавитов; здесь же приводится и основная литература по конкретному микроязыку. Таким образом, текст выступает во всеоружии исследовательского метода, позволившего объединить и систематизировать под одной “лингвистической крышей” пеструю гамму языковых красок “Микрославии” в их **реальном**, живом виде. И здесь как раз место выразить некоторое недоумение, касающееся названия двухтомника. Все же, по нашему мнению, это не просто скромно названные автором “образцы текстов”, но – “Краткие очерки. Образцы текстов”. Таков, как нам кажется, должен был бы быть подзаголовок книги.

Наверное, большая сложность для автора-составителя этого объемного труда на самом последнем этапе состояла в графической подготовке издания и необходимости соблюдения **оригинальной** системы письма (не только буквенного ряда, но и всех нюансов внешнего рисунка конкретного микроязыка). Задача, надо прямо сказать, очень непростая, если не сказать более, – неподъемная для одного челове-

ка. Но и с ней А.Д. Дуличенко справился. Это свойство данного труда и самой личности ученого: внимание ко всем деталям языковедческих исследований (от рукописи до теории и оформления), основательность в подготовке любой научной работы – отлично характеризует **принципы** научной деятельности и соответственно ее результаты. Для микроязыков характерны различные системы письма. С одной стороны, кириллическая в ее локальных вариантах (т.е. со своей диакритикой и под.) – таковы югославо-русинский, эгейско-македонский, западнополюсский, ср. по-русинский: *Nit da go nitko ne vidzel na hovanju* ‘Никто никогда не видел его на похоронах’. С другой стороны, преобладающая латиническая система также представлена в разнообразнейших вариантах – таковы все остальные микроязыки, кроме помакского и карпато-русинского. При этом письменные системы некоторых микроязыков отличаются чрезмерным обилием диакритики, ср. в банатско-болгарском: *Bălgărsċja jăziċ tvârde ij bugăt sās takvizi hurti, kujě sâmu na idin năċin mōċi sa dă pîŝăt, â pōviŝefċlnu se kăz’văt* ‘(Банатско-)болгарский язык очень богат такими словами, которые только одним способом (видом) могут быть написаны, но по-разному произносятся’; в кашубском: *Nôprzôd pôwiém, że ô kaszëbsczi pœzji jô piszã drëdŝi rôz w żëcym* ‘Сразу же скажу, что о кашубской поэзии я пишу второй раз в своей жизни’ и т.д. Карпато-русинский в своей истории, восходящей к XV в., использовал и ныне использует церковнославянское письмо, различные виды гражданской кириллицы и латинические варианты, ориентированные на латиницу чешско-словацкого типа. Помакский использует в основном греческое письмо, но здесь допустима также и латиница южнославянского типа. Можно себе представить, сколько труда стоило автору набрать и откорректировать текст такой книги.

Подготовка рецензируемого труда, безусловно, невозможна без глубокого знания истории и этнографии **всей** Славии и тех этноязыковых процессов, которые происходили и продолжают развиваться на ее особом континенте. Иными словами, А.Д. Дуличенко представил еще и своего рода содержательный **компонент** у славянских микроязыков, показал их внутренние связи, обратил внимание на социолингвистические факторы, которые во многих случаях оказывали довлеющее влияние на характер бытования и в целом традиции литературно-языковой “Микрославии”.

Исследование А.Д. Дуличенко убеждает нас в том, что литературные славянские микрогруппы при всей их “периферийности” оказались в центре языковых движений и эволюции

в одну из самых противоречивых эпох в истории Европы (и не только Европы) – период XX в. Они не остались в законсервированных формах как в области практического речеворчества, так и в своих основных грамматико-морфологических и лексических показателях. Напротив, повышенное внимание в конце XX в. к автономиям (в том числе и языковым), стремление наиболее культурных слоев политической элиты славянских государств поддерживать их статус и право на существование в сложной системе языковых “паритетов” позволили возродиться отдельным исчезающим видам микроязыковой “флоры” (в конце XX в. реанимировался банатско-болгарский, карпато-русинский в его европейских вариантах и некоторые др.). Показательно в этом отношении, что в ряде университетов стран Европы (и не только славянских) появились кафедры, например, югославо-русинской филологии (в Новосадском университете), просто русинской филологии (в Высшей педагогической школе в Нырредьхазе), лектораты (кашубского в Гданьском, градищанско-хорватского в Венском университетах), научно-просветительские общества, издаются газеты, журналы и обильная литература на многих микроязыках. Все это, на наш взгляд, имеет не только социокультурную ценность, но и значительно более весомый смысл: сохраняя островки “Микрославии”, мы поддерживаем тем самым определенный лингвобаланс в жестокой конкуренции больших и малых языков.

Считаем, что было бы вполне целесообразным ввести в курсы филологических факультетов российских университетов семинары и лекции по литературно-языковой “Микрославии”, имеющей к тому же и очевидные сопоставления с русской, украинской и белорусской звеньями единой славянской семьи языков. Приобщение к этому лингвокультурному пространству, его глубокое изучение и вообще внимание к такой специфической сфере лингвистических знаний, открывающей большие перспективы в разных областях гуманитарных наук, – вот тот импульс, который исходит от труда А.Д. Дуличенко.

Разумеется, как и в любом большом труде, в двухтомнике А.Д. Дуличенко можно указать и на такие стороны, которые могли бы быть представлены как-то иначе. О том, что подзаголовок книги весьма скромно назван как только “Образцы текстов”, мы сказали выше. Несколько смущает нас и то, что расположение микроязыков в книге не вполне соответствует той классификации, которая приведена автором в Предисловии (т. I: 6), а именно: в первом томе после островных микроязыков следует один из автономных – кашубский, мес-

то которому логичнее было бы дать во втором томе рядом с серболужицкими литературными языками. Возможно, однако, это было сделано для “равновесия” объемов первого и второго тома. В комментариях к классификации славянских микроязыков, разделенных на четыре группы, кашубский обозначен как 15-й, а не 16-й по счету микроязык; серболужицкие должны выступать под номерами соответственно 17 и 18 (см. Предисловие, т. I: 7). Что касается самих текстов, то в корректорском плане они выверены, кажется, достаточно строго и последовательно.

В памяти всплывает одна фраза, когда-то прочитанная в одном из сочинений Н.Я. Марра: “В науке нет меньшинств и большинств”. А.Д. Дуличенко, может быть, совсем обособленно от теоретика “нового учения о языке”, но естественно для самобытно мыслящего исследователя почувствовал необходимость изучения именно малых языков, славянских микроязыков Европы, которые получили распространение далеко за пределами ареала своего первоначального функционирования. Тем самым сохранена для науки ценнейшая информация о тех элементах языковой системы, которые, несмотря на сильное внешнее воздействие, до сих пор украшают древо славистики и дают почву для дальнейших разысканий в этой области.

Примечательно суждение одного из “внутренних” рецензентов книги В.М. Мокиенко: «Вопреки скептикам, давно предрекавшим таким языкам исчезновение под напором “мегалингвов”, А.Д. Дуличенко демонстрирует их активную жизнь» (т. II: 397). А ценность языковедческих и вообще гуманитарных исследований в том и состоит, что они показывают жизнеспособность системы, ее динамику. В этом же смысле выразился и другой рецензент, А.Ф. Журавлев, мысль которого созвучна и нашему представлению о филологии: «И хотя ежегодно с лица Земли исчезают десятки идиомов, о чем языковед может лишь горько сожалеть, лингвистический “конец света” еще не наступил. Работы А.Д. Дуличенко помогают нам понять, что мир еще жив» (т. II: 398).

В заключение стоит заметить, что славянские литературные микроязыки – особая область интернациональной лингвистической географии – требуют от ученых более пристального изучения, дальнейшей разработки проблематики и в целом сохранения для науки ценнейшего источника языкового этногенеза – “Микрославии”. Многолетний труд А.Д. Дуличенко на этом поприще еще раз показал и, быть может, убедил отдельных оппонентов, что славянские микроязыки продолжают существовать и развиваться, расширяя свои тер-

риториальные и культурные горизонты. Задача лингвистов – не упустить эти “островки”, не оставить их без должного внимания и корректной оценки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дуличенко 1981 – *А.Д. Дуличенко*. Славянские литературные микроязыки (Вопросы формирования и развития). Таллин, 1981.
- Дуличенко 1995 – *А.Д. Дуличенко*. Jugoslavo-Ruthenica. Роботи з рускей филології / Предходне слово Н.И. Толстой. Нови Сад, 1995.
- Дуличенко 2002 – *А.Д. Дуличенко*. Кніжка о руским языку. Увод до рускей филології у документох и коментарох. Нови Сад, 2002.

Einführung... 1998 – Einführung in die slavischen Sprachen (mit einer Einführung in die Balkanphilologie) / P. Rehder (Hrsg.). 3 Aufl. Darmstadt, 1998.

Einführung... 2003 – Einführung in die slavischen Sprachen (mit einer Einführung in die Balkanphilologie) / P. Rehder (Hrsg.). 4 Aufl. Darmstadt, 2003.

Encyclopedia... 2002 – Encyclopedia of rusyn history and culture / P.R. Magocsi, I. Pop (eds.). Toronto; Buffalo; London, 2002.

Wieser Enzyklopädie... 2002 – Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens. Bd. 10. Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens. Klagenfurt, 2002.

О.В. Никитин